

Г. А Б Р А М Я Н

Эй, Антонио!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

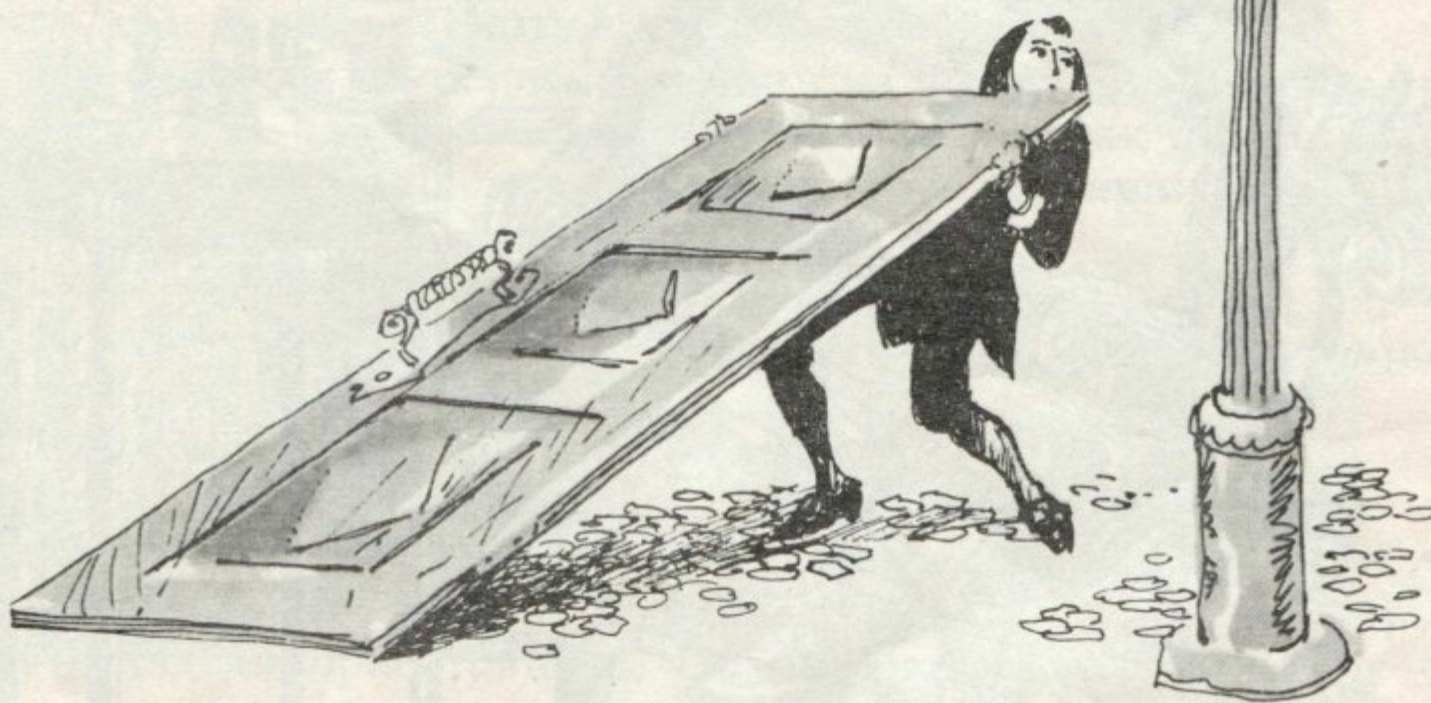

Г. АБРАМЯН

Эй, Антонио!

РАССКАЗЫ

Рисунки В. Трубковича

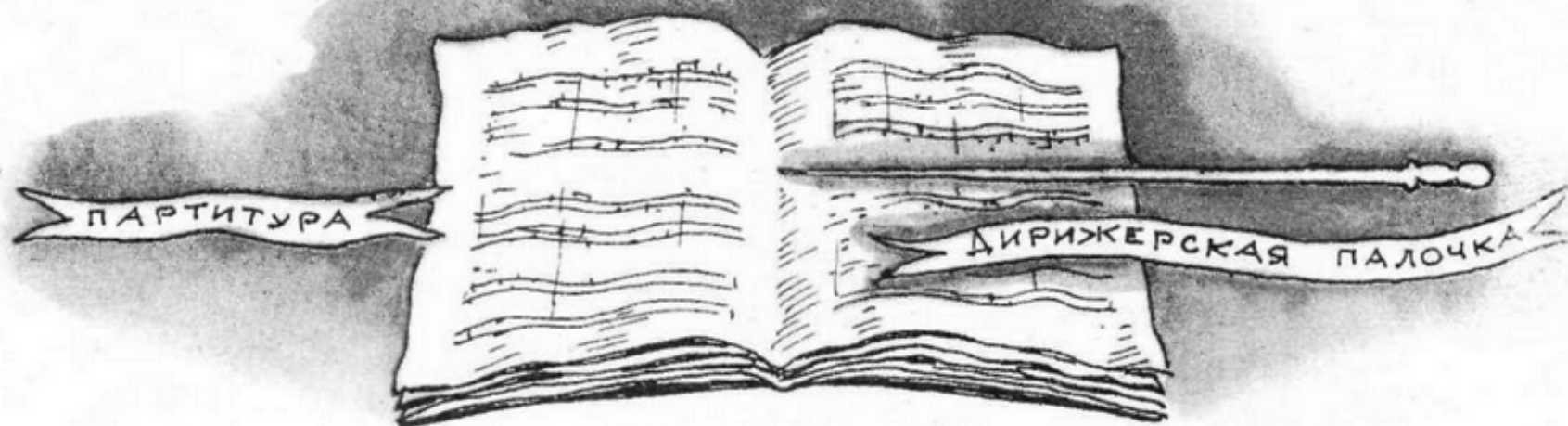

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1972

Маэстро

В одном большом городе жил старый дирижёр. Все уважали его, а музыканты из оркестра почтительно называли маэстро.

Из девяноста пяти оркестрантов никто и никогда не посмел бы сфальшивить при маэстро. Даже чуть-чуть, самую малость, еле заметно. Острое ухо маэстро всё слышало!

Но однажды на репетиции один из флейтистов сыграл на своей флейте так фальшиво, что музыканты, как по команде, перестали играть и испуганно уставились на дирижёра.

Маэстро удивлённо вскинул брови:

— В чём дело? Я не останавливал оркестра.

И вдруг все поняли, что маэстро ничего не заметил, пропустил фальшь мимо ушей.

Неужели он стал так плохо слышать?

По лицам своих музыкантов маэстро сразу догадался о случившемся. У него тяжело опустились плечи, будто кто-то сильный надавил на них. Его глаза медленно одного за другим оглядели оркестрантов. Потом он закрыл партитуру — большую нотную книгу, лежавшую перед ним на дирижёрском пульте, положил сверху костяную дирижёрскую палочку и, ни слова не говоря, покинул эстраду.

Он пересек пустой зал, и музыканты впервые заметили, какая у маэстро сгорбленная спина и старческая походка.

А маэстро, плотно прикрыв дверь, спустился вниз по широкой мраморной лестнице. Увидел на выходе сторожа, которого знал с незапамятных времён, сказал ему:

— Прощайте, голубчик! ..

С тех пор маэстро больше не становился за дирижёрский пульт.

А оркестранты часто вспоминали о нём:

— Какой это был музыкант!

— Как он чувствовал и понимал музыку!

— Какое счастье было играть с ним!.

И каждый с сожалением думал о том, что больше не придётся играть под дирижёрскую палочку маэстро.

Никто не знал, что каждый вечер, далеко за полночь, старый маэстро надевал калоши, накидывал плащ и, вооружившись зонтом, отправлялся в концертный зал.

Сторож почтительно стаскивал с головы шапку и говорил:

— Милости просим. . .

Маэстро величественно поднимался по едва освещенной беломраморной лестнице и, оставив калоши и зонт у двери, входил в полутёмный зал.

В глубине круглого зала, напоминающего внутренность золотой чаши, возвышался дирижёрский пульт.

Маэстро привычно становился к нему. . .

И тогда маэстро казалось, что перед ним в свете ярких софитов расположился весь его оркестр в полном составе. Вот они, скрипачи, альтисты, виолончелисты, контрабасисты, фоготисты, флейтисты, гобоисты, кларнетисты, трубачи, тромбоны, валторнисты, литавристы — словом, все, все, все...

Маэстро предупреждающе стучал костяной палочкой о край пульта и начинал репетицию. Он старался, чтобы оркестр звучал ровно и слаженно. Чтобы не слишком гудели могучие контрабасы и хорошо были слышны скрипки с виолончелями. Чтобы звонкоголосые трубы не мешали звучать гобоям и кларнетам. И чтобы не очень громыхали барабаны и литавры, которые — дай только4волю! — могут заглушить весь оркестр.

Дирижёрская палочка маэстро без усталости чертила в воздухе неуловимые фигуры, круги и бесконечные кривые.

В самый разгар репетиции ему становилось так жарко, что он сбрасывал на спинку стула пиджак. Потом летела в сторону белая бабочка-галстук. Волосы сбивались, лезли на глаза. Рубашка на спине становилась мокрой — хоть выжимай. А маэстро в сотый раз повторял отдельные такты музыки, показывал вступление валторне или арфе, серебряным колокольчикам или медным тарелкам. Он нанизывал ноту на ноту с такой тщательностью, словно собирал на одну нить рассыпавшиеся жемчужинки...

В его памяти с удивительной ясностью возникал каждый проведённый им концерт, каждая репетиция, каждый звук, каждый штрих. И он покидал концертный зал усталый, словно на самом деле только что закончил здесь тяжёлую репетицию. ..

Но вот наступила зима. На улице стало ветрено и морозно. Старый маэстро перестал выходить из дому. Он целыми днями сидел в глубоком кожаном кресле, укутанный в толстый шерстяной плед.

Два раза в неделю его навещал доктор, который успокаивал маэстро, а своим знакомым по секрету говорил:

— Плох старик, совсем плох! Всё жалуется на холод, хотя в квартире жарко, как в печке.

На круглом столике у кресла толпились микстурные пузырьки в белых бумажных передничках. Но от них маэстро не становилось теплее. Ему казалось, что в грудь ему вложили большой кусок льда.

В один прекрасный день доктор застал кресло маэстро пустым.

Доктор снял шляпу, постоял немного, тяжело вздохнул и сказал:

— Я оказался прав. Бедный, бедный маэстро!

И ушёл досказывать своим знакомым печальную историю старого маэстро.

Доктор не знал, что в его отсутствие к маэстро без всякого предупреждения ворвался главный администратор концертного зала.

— Выручайте, маэстро! — закричал он. — Сегодня к нам в город приехал знаменитый₅ пианист. Он пробудет всего

лишь день. И согласен дать концерт с оркестром. Но времени для репетиций нет. Кто же, кроме вас, сможет провести концерт без единой репетиции?

— Помилуйте! — воскликнул маэстро. — Я стар и плохо, очень плохо слышу!

Администратор забежал по комнате.

— Что же делать? Что же делать? — стонал он. — Неужели сорвётся такой замечательный концерт?

И тут маэстро в волнении сбросил с себя плед. Он хорошо знал, как плохо, когда может сорваться концерт.

От этих мыслей маэстро бросило в жар. Лёд в его груди стал таять, таять и крупными каплями выступил на лбу,

Без лишних слов он достал из шкафа фрак. Тщательно приладил к воротничку рубашки галстук-бабочку и торопливо отправился следом за администратором.

Когда маэстро появился на эстраде, оркестранты торжественно поднялись со своих мест. И вся публика тоже поднялась. А когда маэстро приблизился к дирижёрскому пульту и шагнул на подставку, в зале послышались аплодисменты и возгласы:

— Браво, маэстро! Браво!

Громче всех кричал доктор, который тоже оказался на концерте. Он тут же принялся рассказывать своим знакомым о том, как ему удалось вылечить маэстро.

А маэстро чуть приподнял руки.

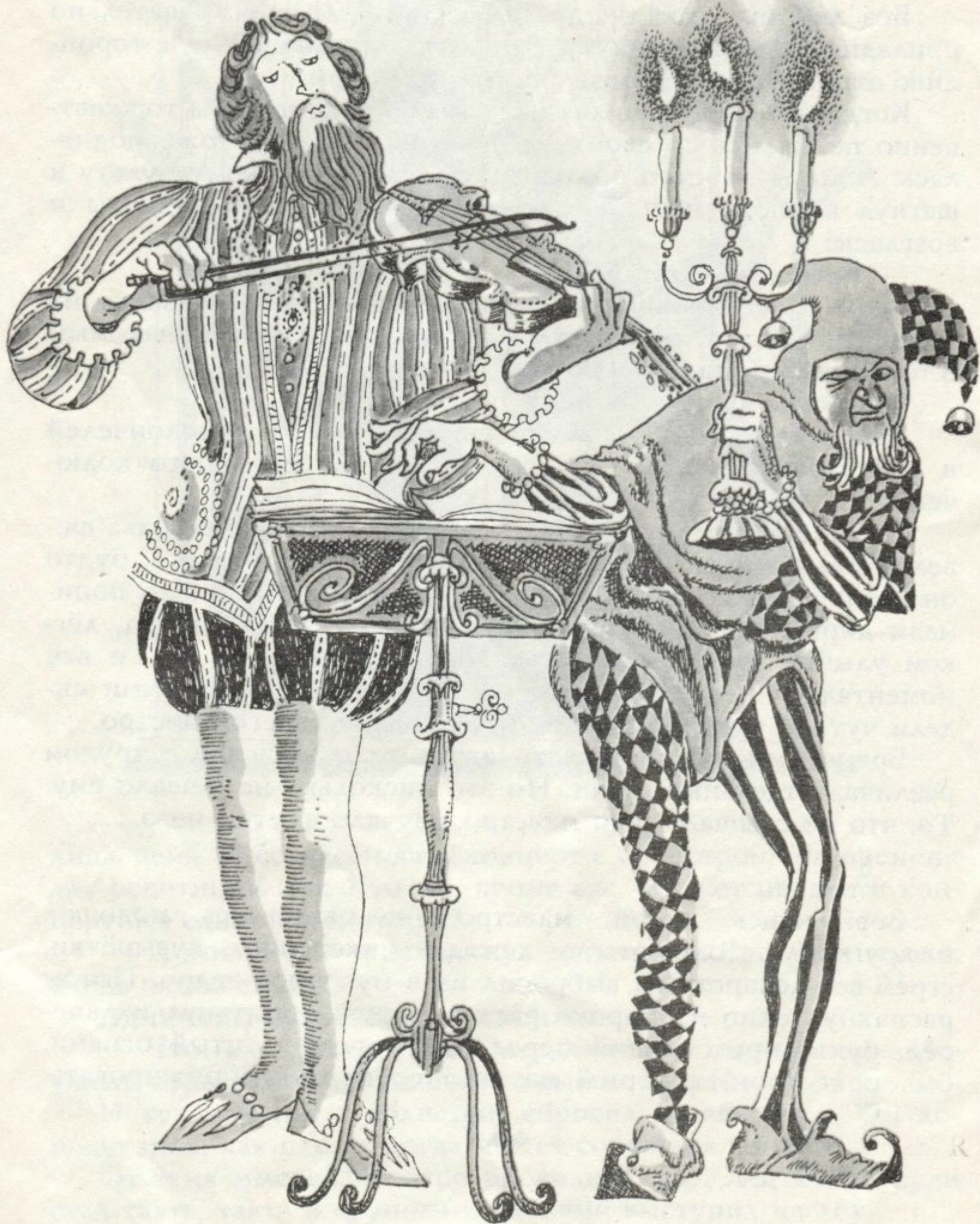
Взметнулись вверх смычки скрипок, альтов, виолончелей и контрабасов, и оркестр стал похож на огромного колючего ежа.

Пианисту игралось легко и хорошо, хотя маэстро едва шевелил пальцами и ладонями рук. Со стороны казалось, будто он стоит и ничего не делает. Но оркестранты хорошо понимали дирижёра. Достаточно было мимолётного взгляда, лёгкой улыбки или, наоборот, суровой складки на лбу, и всё моментально передавалось туда, к пультам, за которыми сидели чуткие музыканты, очень любившие своего маэстро.

Временами, когда оркестр играл тихо, маэстро с трудом различал отдельные звуки. Но это нисколько не мешало ему. То, что не слышали уши маэстро, звучало внутри него...

Вернувшись домой, маэстро, не раздеваясь, подошёл к круглому столику, где лежали микстурные пузырьки, сгрёб все лекарства и выбросил их в мусорное ведро. Потом распахнул окно и, широко раскинув руки, протянул их вперёд, будто представший перед ним город, залитый огнями, был оркестром, которым маэстро собирался дирижировать.

Шут Триболе

— Внимание! Внимание! Сегодня, как и вчера, его величество король Франции, первый музыкант среди королей и первый король среди музыкантов, исполнит на виоле новые танцы! Жигу! Бурре! Гавот! Сарабанду! Куранту! Экосез! Контрданс! Спешите, спешите, торопитесь, не опоздайте... покрепче заткнуть уши воском!

Шут не шутил. Король в самом деле больше всего на свете любил музицировать. А музыка в те далёкие времена сплошь состояла из форшлагов, мордентов, группетто и трелей. Что это такое? Узоры, завитушки, вензелёчки, украшения. Одним словом, сплошные кружева из звуков, если, конечно, так можно выразиться.

Король часами плёл на виоле эти кружева, исподтишка присматриваясь и прислушиваясь к тому, что творится вокруг.

Вот что при этом думал не очень умный и очень немusыкальный король: «Если слушатели молчат — плохо. Если же моя музыка им нравится — они не в силах сдержать восторга и торопятся высказать свои чувства друг другу вслух».

Впрочем, придворные отлично понимали, чего ждёт от них король, и старались как могли. Пока король играл, они вовсю шептались о... погоде, о нарядах, о предстоящем бале, о коварстве шута Триболе, о глупости королевы и даже о самом короле! Словом, о чём угодно, только не о музыке.

Единственный, кто по-настоящему страдал от всех этих форшлагов, мордентов, группетто и трелей, был шут Триболе. Музыка лезла ему, что называется, прямо в уши: ведь в его обязанности входило переворачивать королю ноты. И хотя у шута у самого всё переворачивалось внутри, он вынужден был терпеливо листать страницу за страницей, проклиная в душе мастера, сделавшего королю эту несносную виолу.

Время от времени шут исподтишка портил королевскую виолу. Но каждый раз мастер присылал во дворец новую, ещё более красивую, украшенную резьбой, перламутровой инкрустацией и отделанную слоновой костью.

К сожалению, новая виола звучала в руках короля по-старому. А между шутлом и мастером возникла упорная незримая борьба: один ломал, другой делал заново. И всегда победа оставалась на стороне мастера. Это-то и бесило больше всего шута. «Ну погоди-и-и! — думал он. — Ты ещё попадёшься мне на язык!»

А королевский мастер, по имени Каспар Дуифопруггар, жил на другом конце королевства и даже не подозревал, сколько неприятных минут он доставлял Триболе. Но если бы шут знал Дуифопруггара, он сказал бы о нём: «Вот кто поистине первый мастер среди музыкантов и первый музыкант среди мастеров!»

Но Триболе никогда не видел и не слышал мастера, а Дуифопруггар ничего не знал о шуте Триболе.

Не в пример королю, Каспар Дуифопруггар прекрасно владел игрой на лютнях и виолах. А какие он делал инструменты! На его виолах играл не только король, но и лучшие музыканты королевства — люди, понимающие толк в музыке!

И все были одинаково довольны инструментами мастера, все, кроме шута Триболе и... самого мастера. Ну, до поры до

времени, шут не в счёт. Что же касается мастера, то настоящие мастера никогда не довольны своей работой. И удивляться этому нечего.

Каспару Дуифопруггару давно уже перестал нравиться слишком тихий и безжизненный звук виол.

«Разве это звук? — рассуждал мастер. — Не лучше того, который издаёт гребешок, приставленный к губам!»

Дуифопруггар мечтал построить такой музыкальный инструмент, в корпусе которого рождалось бы настоящее человеческое сопрано. И он точно знал, что в первую очередь следует изменить форму виолы.

По ночам Дуифопруггар делал расчёты и чертежи, а днём брался за пилку и стамеску. Он уже и название придумал будущему инструменту...

Пока король, к неудовольствию шута и безразличию придворных, играл на своей виоле, Дуифопруггар ежедневно выметал из мастерской целую гору опилок, стружек, обрезков, обрубков. Иногда он пробовал играть на только что сделанном инструменте. Но, судя по всему, опять был чем-то недоволен — звуки неожиданно обрывались и мелкие обломки деревянных деталей вылетали в окно.

Но вот однажды наступил такой день, когда мастер воскликнул:

— Наконец-то!

В корпусе нового инструмента возникло настоящее человеческое сопрано.

Это была первая скрипка...

Она мало чем напоминала разнаряженную королевскую виолу. Скрипка была удлинённой формы, с узкой талией, длинной шейкой, скромным завитком на маленькой головке и без единого украшения.

На первый взгляд она невыгодно отличалась от виолы, и Дуифопруггар не торопился показывать её во дворце.

И всё-таки король узнал о скрипке.

Он потребовал мастера к себе.

«Наконец ты мне попался! — подумал шут Триболе. — Теперь-то я с тобой разделаюсь!»

Между тем его величество взял в руки скрипку и помор-

щился: слишком уж простым и убогим показалось ему творение мастера.

— Ваше величество, — сказал Дуифопруггар, — дело в том, что скрипка — совершенно новый музыкальный инструмент. . .

— Дело в том, что ты изуродовал королевскую виолу! — слышался ехидный возглас шута.

— Вы только подумайте! Изуродовал королевскую виолу! — не замедлил откликнуться один из придворных.

— Этот безумец изменил форму королевской виолы! Ну, знаете!!! — воскликнул второй.

— И название противное. Что это такое — скрипка? — пискнул третий.

— Запретить их изготовление! — понеслось со всех сторон.

— Лишить Каспара Дуифопруггара звания Мастера его величества!

— Изгнать наглеца из королевства! — уже хором кричал весь королевский двор.

С губ короля готов был сорваться окончательный приговор.

Но тут его взгляд нечаянно упал на обратную сторону инструмента. Его величество разглядел нарисованную золотом королевскую корону с королевскими инициалами.

Это королю понравилось. Он одобрительно кивнул головой и милостиво решил попробовать музыкальные достоинства скрипки.

Но первый же звук одинаково потряс и короля, и мастера, и шута, и всех придворных. Он был. . . Нет, ничего противнее нельзя себе и представить!

— Однако! — гневно воскликнул король.

— Ха! Ха-ха-ха! — вдруг залился хохотом шут Триболе. — Его величество играет на собственной бороде!

Король скосил глаза и в самом деле увидел на своей бороде белый след от канифоли, которой натирают смычок.

И всё сразу объяснилось: играя на виоле, которая спокойно лежала на плече, король мог крутить бородой сколько угодно. А для того чтобы удержать скрипку, ему пришлось

крепко прихватить её подбородком. Вот королевская борода и легла прямо на подставку для струн, и смычок с ужасающим скрипом проехался по этой самой бороде.

Король так рассердился, что неожиданно для себя самого произнёс несколько слов подряд:

— Удлинить скрипку до размера моей бороды!

— Проще укоротить бороду, чем удлинить скрипку, — по привычке сострил Триболе.

— Однако! — сурово воскликнул король, поворачиваясь к шуту.

Придворные ахнули и решили, что с Триболе, наконец, покончено.

Величайшая дерзость шута имела невероятные последствия: король кликнул... брадобрея, и борода его величества была укорочена до размера маленького клинышка.

Самые ретивые подданные короля немедленно помчались укорачивать свои бороды, а все будущие короли Франции вместе с французским королевством унаследовали бородку клинышком.

Самоотверженность короля была тотчас вознаграждена: мастер исполнил на скрипке дивертисмент — короткую, но необычайно приятную пьесу.

И скрипка пела настоящим человеческим сопрано, в чём мог усомниться только глухой.

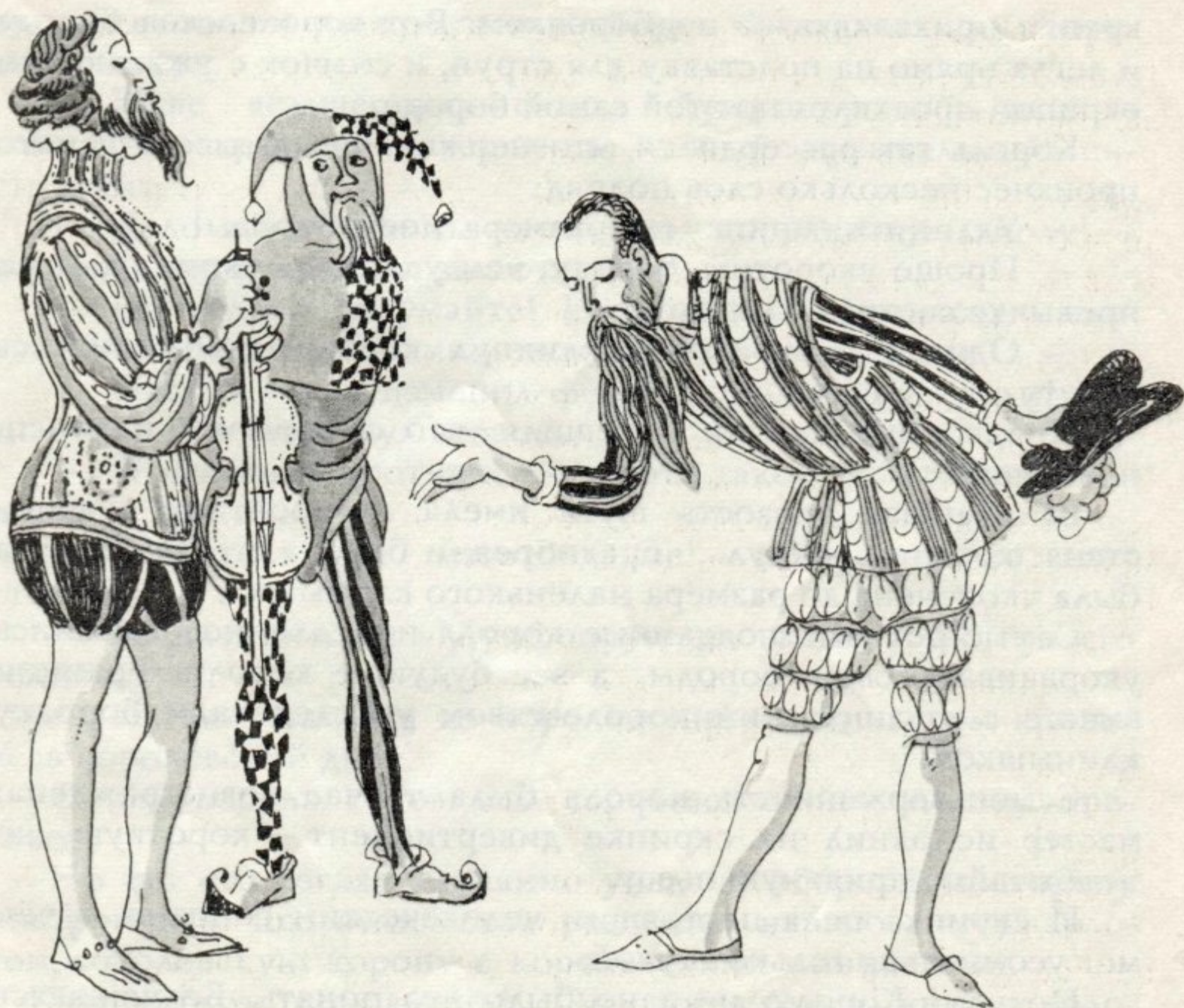
Но увы! Королю не дано было это понять. Вслушиваясь в непривычные звуки диковинного инструмента, он лишь капризно надувал губы.

Придворные, как всегда, не столько слушали музыку, сколько следили за настроением своего короля.

А Триболе... Что это с Триболе?!

Бедный шут, готовый, по обыкновению, отпустить одну из своих коварных шуток, замер, прислушиваясь к звукам скрипки. Он застыл с раскрытым ртом, словно эти звуки лишили его дара речи. Его лицо выражало изумление. Он стоял, как громом поражённый, вдруг поняв, какую силу и власть заключает в себе необыкновенный голос необыкновенного инструмента. Даже придворные один за другим отворачивались от короля, замороженные скрипкой...

Но вот скрипка смолкла.

Придворные пугливо переглянулись и, уставившись на недовольное лицо его величества, в один голос принялись громко и злобно роптать. Новый инструмент Дуифопруггара ругали все кому не лень.

А король, считавшийся только с мнением шута, искоса поглядывал на Триболе.

Тогда Триболе с небывалой для него почтительностью сказал:

— Ваше величество, я знаю: вас смутил слишком громкий голос скрипки. Но она, наверное, создана не для этой маленькой гостиной...

— Да-да! — радостно подхватил Каспар Дуифопруггар. — Ей нужен простор, нужна свобода, нужен большой зал и множество слушателей.

— И верноподданные отныне смогут выражать свой восторг не шёпотом, а во весь голос, — продолжил шут и многозначительно посмотрел на затихших придворных: уж он-то знал, о чём шепчутся под королевскую музыку!

Придворные вовремя сообразили, что с шутком шутки плохи, и в один голос принялись расхваливать звук скрипки:

— Прелестно, ваше величество!

— Изумительно, ваше величество!

— Восхитительно, ваше величество!

С тех пор король совсем забросил виолу и играл исключительно на скрипке. И не только король, но и все музыканты королевства.

А вскоре скрипка и вовсе завоевала весь мир.

Теперь придворные короля могли разговаривать в полный голос, так как звук скрипки в самом деле был необычайно сильным.

Но он был и прекрасным, как настоящее человеческое сопрано.

И первым это понял королевский шут Триболе.

Может быть, поэтому на одной из пяти сохранившихся до наших дней скрипок французского мастера Каспара Дуифопруггара вместо обычного завитка на головке вырезана голова шута Триболе.

Во всяком случае, когда четыреста пятьдесят лет тому назад эту скрипку Каспар Дуифопруггар подарил королевскому шуту, придворные с недоумением смотрели на резную голову Триболе и пожимали плечами:

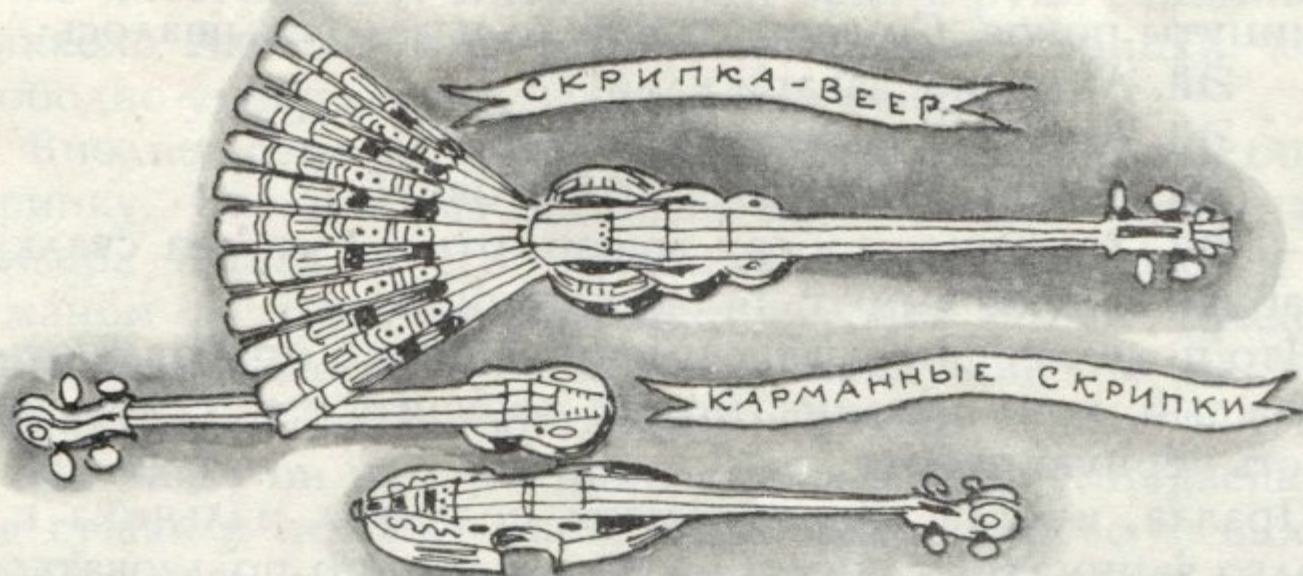
— Да, но при чём здесь шут?

Эй, Антонио!

Жители Кремоны невероятно гордились синьором Амати. Ещё бы! Ведь Никколо Амати был гениальным скрипичным мастером. И каждый, проходя мимо его дома, почтительно снимал шляпу, едва заведя этого высокого худого старика с гордым лицом и седой бородой, волнами ниспадающей к поясу.

У синьора Амати было много учеников. Все они до поры до времени выполняли несложные поручения мастера. И лишь раз в год каждый получал право самостоятельно сделать одну скрипку.

Когда инструмент был готов, собиралась вся мастерская во главе с синьором Амати.

Тот, кому удавалось сделать скрипку, достойную похвалы синьора Амати, получал долгожданное звание мастера.

Но это случалось очень и очень редко. Иногда ученику переваливало за пятьдесят, а он ещё и не мечтал выйти в мастера.

Среди учеников синьора Амати был подмастерье по имени Антонио. Ему шёл десятый год, а синьору Амати — уже девятый десяток.

Великовозрастные ученики мастера не давали Антонио ни минуты покоя. Со всех сторон то и дело слышалось:

- Эй, Антонио, завари клей!
- Эй, Антонио, разотри краски!
- Эй, Антонио, приготовь грунтовку!
- Эй, Антонио, собери мусор, отнеси его на свалку. Да не забудь на ночь вымыть полы, слышишь?

Что поделаешь! Когда к имени человека прибавляют «эй», то каждый, кому не лень, может поручить ему самую что ни на есть чёрную работу.

Правда, иногда синьор Амати подзывал мальчика к себе и долго занимался с ним. Он учил Антонио пользоваться пилой, рубанком, струбцинами, лекалом, затачивать стамески, угадывать по звуку толщину дек, вырезать колки и правильно подбирать рисунок дерева.

В такие минуты Антонио был счастлив. Он с восхищением смотрел на своего учителя, и ему казалось, что синьор Амати чудотворец. Вроде тех, которые нарисованы на стене собора святого Доминика. Синьор Амати никогда не выпускал из рук циркуля и большого острого ножа. Он резал им дерево с такой лёгкостью, будто перед ним лежал круг свежего сыра.

А разве кто-нибудь из чудотворцев сумел бы приготовить «драконову кровь» — знаменитый лак, покрывающий скрипки синьора Амати?

Дом Никколо Амати был двухэтажный.

Наверху находилась мастерская, внизу — жилое помещение.

Антонио ночевал в мастерской. Он клал под голову рубашку, набитую длинными локонами деревянных стружек клёна, ели, ольхи, пихты, груши, сандала, липы, ивы, тополя, сосны, берёзы, красного и чёрного дерева.

Необыкновенный аромат самодельной подушки навевал на Антонио чудесные сны.

Но спать много он не любил и, едва оставшись один, сразу раскладывал на верстаке всякие деревянные отходы: разноугольные чурки, клинышки, кубики. Конечно, из них можно было строить великолепные дворцы и замки, но такие пустя-

ки не интересовали Антонио. Он брал в руки огромный нож Никколо Амати и вырезал им крошечные скрипки, которые свободно умещались за пазухой или в кармане.

Вполне возможно, что Антонио мог бы сделать и большую скрипку. Сколько раз он видел во сне, будто, сидя на стуле синьора Амати, в его чёрном шёлковом колпаке и белом кожаном фартуке, он смачивает кусочек замши «драконовой кровью» и наносит густой, остро пахнущий лак на готовую скрипку, сделанную собственными руками.

Но наяву он не смел прикасаться к дереву, подвешенному для сушки к потолку мастерской. Здесь дерево ценилось на вес золота, и никто не смел трогать его. А о склянках с лаком и говорить не приходится — к ним нельзя было даже подходить близко.

И Антонио делал из деревянных отходов карманные скрипки, а покрывал их янтарной смолой, разведённой в скипидаре.

Скрипки Антонио не были игрушечными. На них было всё самое настоящее: корпус из двух дек, боковины-обечайки, шейка, головка, четыре колочка, четыре струны с подставкой, чёрный гриф и смычок с конским волосом.

Волосы для смычка Антонио выдёргивал из хвоста кобылы торговца зеленью, которая давно уже мечтала хорошенько лягнуть неугомонного мальчишку. Но всё пока обходилось для Антонио благополучно.

Раз карманную скрипку Антонио увидел какой-то кремонский танцмейстер и радостно подпрыгнул. В те далёкие времена танцмейстеры были не только распорядителями танцевальных собраний и не только расставляли пары и объявляли название очередного танца. Они ещё подыгрывали оркестрантам на скрипках. А бегать по залу с большой скрипкой да ещё с длинным смычком, который то и дело цеплялся за шёлковые юбки танцовщиц, было очень неудобно.

Увидев крохотную скрипку, сделанную Антонио, танцмейстер пришёл в неописуемый восторг. Ведь пользоваться лёгкой карманной скрипкой, которая, к слову будет сказано, звучала почти как настоящая, куда удобнее! Да и получил он её у доброго подмастерья бесплатно.

Антонио был большой выдумщик. Ни одна его скрипка никогда не бывала похожа на другую. Он даже умудрился поместить скрипку в обыкновенную трость.

А в следующий раз из озорства Антонио вложил в скрипку крошечный звучащий механизм. Владелец этой скрипки, ничего не подозревая, пришёл на танцевальное собрание, расставил пары, объявил танец и, сделав знак оркестру, выхватил из кармана скрипку. И вдруг вместо изящного гавота скрипка заиграла походный солдатский марш.

Оркестранты растерялись, пары сбились с ритма, а впечатлительный танцмейстер упал в обморок.

На другой день он прибежал под окна дома синьора Амати.

— Эй, Антонио! — завопил он. — А ну спустись сюда, я кое-что тебе скажу!

Больше всего на свете Антонио боялся, что учитель узнает о его проделках. Он кубарем скатился с лестницы и принялся молить разбушевавшегося танцмейстера:

— Прошу вас, синьор, не так громко! Хотите, я вам сделаю другую скрипку? Хотите... с веером? Подумайте, синьор, вы будете играть, танцевать и обмахиваться!

Соблазн был настолько велик, что танцмейстер успокоился. Через несколько дней он получил от Антонио скрипку с веером и остался чрезвычайно доволен.

Антонио прожил у синьора Амати три года. Часто у него не было материала для ночной работы. Но однажды ему повезло. Он увидел на свалке выброшенную кем-то старую сломанную дверь.

У мальчика был зоркий глаз и отличное чутьё. Он сразу разгадал рисунок дерева. А проведя ладонью по поверхности двери, увидел то, что не увидел бы ученик, пятьдесят лет мечтавший выйти в мастера. Антонио понял, что если это дерево зачистить и провести по нему тряпочкой, смоченной лаком, то рисунок вспыхнет ярким пламенем.

Старая дверь была суха и легка. Она вибрировала от любого прикосновения. И мальчику ничего не стоило поднять её. Он взвалил находку на плечи, принёс к дому синьора Амати и надёжно припрятал.

Однажды в Кремону приехал знаменитый скрипач.

Он попросил синьора Амати сделать для него новую скрипку.

Вот что ответил ему мастер:

— Ваша просьба делает мне честь, синьор. Но мне исполнилось восемьдесят пять лет. Я решил сделать свою последнюю скрипку и подарить её городу. Пусть каждый достойный музыкант, который посетит нашу Кремону, играет на ней. Вы, при желании, можете быть первым...

Скрипач низко поклонился синьору Амати и сказал, что с особой радостью воспользуется таким удивительным случаем и даст на скрипке великого Амати большой концерт.

И тогда кремонцы решили устроить в честь любимого мастера настоящий праздник. Они сшили себе маскарадные костюмы и украсили город не хуже, чем ко дню рождения короля.

Синьор Амати трудился не покладая рук.

Когда до концерта остался один день, вернее, одна лишь ночь, он закончил свою последнюю скрипку.

Он провёл смычком по струнам и сразу понял, что скрипка удалась на славу: это была лучшая из скрипок, сделанных за всю его долгую жизнь.

Никколо Амати бережно повесил на стену инструмент, снял с головы колпак, сбросил фартук и, спустившись из мастерской, сел у окна.

Он так устал, что уронил голову на руки и крепко уснул. На рассвете за скрипкой пришёл музыкант.

Дверь ему открыл Антонио.

— Эй, Антонио, — сказал музыкант. — Передай синьору Амати, что я пришёл за скрипкой.

— Не могу, — ответил мальчик. — Учитель работал всю ночь и сейчас спит.

— Но мне нужна скрипка! — воскликнул музыкант. — Я должен подготовиться к концерту!

Антонио задумался. Потом сказал:

— Хорошо, я принесу вам скрипку.

Через несколько минут музыкант получил скрипку и тотчас ушёл.

Синьор Амати проснулся поздно.

— Эй, Антонио! — позвал он.

Антонио не отозвался.

Синьор Амати выглянул в окно и увидел, что кремонцы уже собрались на площади святого Доминика и с нетерпением поглядывают на его дом.

На высоком помосте стоял музыкант. Он держал скрипку наготове. Даже издали синьор Амати узнал блеск своего знаменитого лака.

И он поторопился выйти на площадь.

Едва мастер появился, как в толпе раздались крики:

— Синьор Амати с нами! Начинайте, начинайте, пришёл Никколо Амати!

И концерт начался.

Но только слышались первые звуки скрипки, синьор Амати вздрогнул и торопливо покинул площадь.

Он быстрым шагом вошёл в свой дом и поднялся в мастерскую.

После концерта толпа устремилась к дому мастера с восторженными криками:

— Мы хотим видеть Никколо Амати!

Впереди шёл музыкант, протягивая скрипку мастеру.

— Вы приготовили Кремоне прекрасный подарок!

Никколо Амати поднялся навстречу музыканту. Он взял из его рук инструмент и долго рассматривал. Потом спросил:

— Где вы взяли эту скрипку?

— Её дал мне ваш подмастерье, — ответил музыкант, показывая на Антонио.

— Антонио, — тихо позвал синьор Амати. — Подойди ко мне, мой мальчик.

Антонио подошёл.

— Где ты взял эту скрипку? Ведь моя висит на стене в мастерской, на том самом месте, где я оставил её ночью.

Запинаясь и не смея поднять глаз на учителя, Антонио ответил:

— Эту скрипку сделал... я сам. Но, честное слово, синьор, я не трогал ваших заготовок. У меня было своё дерево. Я только открыл одну из склянок с лаком, простите меня, пожалуйста!

— Люди добрые, — вдруг вскричал Никколо Амати и прижал к себе перепуганного Антонио, — снимите шляпы! Поклонитесь этому мальчику. И хорошенько запомните его имя — скоро его будет повторять весь мир. Это Антонио *Страдивари!*

Слова Никколо Амати сбылись.

Антонио Страдивари стал величайшим скрипичным мастером.

Сейчас в Кремоне, там, где жил Страдивари, помещена мраморная доска с надписью:

Здесь стоял дом, в котором Антонио Страдивари довёл скрипку до величайшего совершенства и оставил Кремоне неизгладимое имя непревзойдённого художника в своём искусстве.

Бель канто

Граф Шубин коллекционировал музыкальные инструменты. Правда, он предпочитал музыке охоту на зайцев, но нужно же было не ударить в грязь лицом перед соседями!

Однажды в Генуе шустрый итальянец, торговец скрипками, привёл графа к дому Никколо Паганини.

Час был поздний. Дом стоял погружённый в темноту и казался вымершим. Но до слуха пришельцев доносились звуки скрипки.

— Наш Никколо играет всю ночь напролёт, — с гордостью произнёс итальянец. — Говорят, что он никогда не ложится спать. Работает, работает, работает, как одержимый. Некоторые считают его дьяволом — такие невероятные вещи он выделяет на своём Гварнери...

— Послушайте, любезнейший, — перебил граф, — надеюсь, вы не забыли о цели нашего прихода?

— Сию минуту, синьор, я сейчас! — воскликнул торговец. Не успел граф глазом моргнуть — итальянец исчез. Моргнул ещё раз — тот снова появился, на сей раз в сопровождении какого-то оборванного мальчугана.

Оборвыш провёл их в дом. Втроём они медленно карабка-

лись вверх по скрипучей лестнице. В темноте граф то и дело спотыкался и бормотал проклятия. Он готов был на всё махнуть рукой, отказаться от этой сомнительной затеи и повернуть назад. Но звуки скрипки становились всё слышнее и слышнее. Они притягивали к себе и, наконец, привели к низкой тяжёлой двери.

— Сюда, — шепнул провожатый. — Дверь не заперта!

Мальчишка получил монетку и быстро зашлёпал босыми ногами вниз по лестнице.

А торговец, поправив под мышкой скрипичный футляр, толкнул дверь, и они очутились в комнате Паганини.

Великий музыкант, худой, высокий, взлохмаченный, сутулясь и широко раскачиваясь, играл на скрипке. Позади него горела свеча. Фантастические тени метались по стенам, и казалось, что они пляшут под музыку Паганини.

«И впрямь дьявол, прости господи!» — подумал граф и украдкой перекрестился.

Паганини наконец заметил непрошенных гостей. Он нахмурился и перестал играть.

Ловкий торговец выхватил из футляра скрипку и, протягивая её Паганини, затараторил:

— О, синьор, простите меня за дерзость, но уважаемый граф из России не верит, что это скрипка мастера Гварнери дель Джезу. Он даже не верит этикетке с эмблемой иезуитского монашеского ордена и требует других доказательств. Я бы с удовольствием проводил бы графа к самому Гварнери, но тот скончался, не дождавшись дня рождения графа...

Паганини жестом остановил торговца, молча взял в руки скрипку, вскинул её к плечу и начал играть...

Граф внимательно следил за лицом Паганини. По нему он пытался понять то, что не мог определить на слух.

А Паганини опустил скрипку и тихо сказал графу несколько слов.

Граф расслышал только два из них — «бель канто», что по-итальянски означает «прекрасное пение».

Граф учтиво поклонился. А торговец оттеснил графа и о чём-то стал умолять Паганини. Тот пожал плечами, отошёл к столу, где горела свеча, и склонился над скрипкой.

Потом повернулся к графу и кивнул ему головой, давая понять, что хочет остаться один.

Граф и торговец вернулись в гостиницу, где остановился Шубин. Сияющий итальянец показал графу надпись, слегка нацарапанную на скрипке: «bel canto». Чуть пониже виднелась роспись великого артиста.

Без лишних слов граф отсчитал 100 золотых монет.

Но торговец мотнул головой:

— Э-э, нет, синьор, об этой цене мы договаривались раньше. Теперь скрипка стоит 200!

Граф невольно засмеялся. Продолжая отсчитывать монеты, он приговаривал:

— Вот шельмец! Каков, а? Ах, жулик, жулик, управы на него нет!

Покончив с делами, граф Шубин вернулся из Италии в Россию.

По дороге он не поленился и сделал большой крюк, чтобы заехать в соседнее поместье. Ему не терпелось сообщить соседу о своём приобретении. У того была огромная коллекция музыкальных инструментов самых знаменитых мастеров из Венеции, Милана, Рима, Болоньи, Тироля, Голландии, Саксонии и, конечно, из Кремоны. А вот скрипки Гварнери дель Джезу в его коллекции не было.

Услышав новость, сосед поперхнулся и чуть не расплескал кофе на белый кружевной воротник.

А граф поднялся и, любезно откланявшись, уехал.

И только тогда, когда все окрестные помещики были осведомлены о скрипке и приглашены на концерт, граф вернулся в своё поместье.

Он велел кликнуть крепостного музыканта-скрипача, а заодно собрал всех домочадцев, чтобы и они стали свидетелями его удивительной покупки.

Граф торжественно открыл футляр и... ахнул: на скрипке, во всю длину верхней деки, зияла трещина. Она светлела на тёмном лаке инструмента открытой раной.

По приказу графа скрипач коснулся смычком струн.

Скрипка задрезжала, издавая слабый хриплый звук. Трудно было поверить, что совсем недавно она пела красивым сильным голосом.

Граф представил себе ликование соседей и пришёл было в отчаяние, как вдруг вспомнил о Петре Фролове — крепостном мужике, который состоял мастером при графском оркестре.

Фролов, по велению графа, ездил в Москву на учение к Василию Владимирову и был хорошим мастером.

Граф немедленно потребовал Фролова к себе.

— Вот скрипка итальянского маэстро Гварнери, — сказал он мастеру. — Нужно тон ей вернуть и прежнюю силу звука. Сможешь?

Фролов бережно взял скрипку и долго осматривал её.

— Беда, ваше сиятельство, — сказал он. — Пружина лопнула. А клеём её сверху не возьмёшь. Придётся деку вскрывать...

— Допустим, допустим, — нетерпеливо согласился граф. — Значит, вернёшь ей тон?

— Отчего не вернуть? — без колебания ответил Фролов. — Дайте только срок.

— На завтра я пригласил гостей, — сухо ответил граф. — Изволь приготовить скрипку ко времени. И смотри у меня: не успеешь или что не так сделаешь — ответишь головой!

Фролов хорошо знал крутой нрав своего хозяина, поэтому тотчас вернулся в мастерскую и принялся вскрывать верхнюю деку инструмента.

За всем, что делал Фролов, напряжённо следил Антошка — двенадцатилетний подросток, единственный сын и помощник мастера.

Когда Фролов снял деку, Антошка воскликнул:

— Глядите, тут какая-то печатка!

— Где? — спросил Фролов. — Ничего не вижу.

— И я ничего не вижу, — смутился Антошка, тараща глаза на совершенно чистое дерево. — Только что видел...

— Померещилось, значит.

— Ей-богу, не померещилось! Она мелькнула и исчезла.

Фролов вертел деку во все стороны и готов был уже от-

ругать Антошку за то, что попусту тратит из-за него драгоценное время, но осекся и удивлённо сказал:

— И правда, что-то есть...

При боковом освещении, под определённым углом зрения, в верхней части внутренней стороны деки виднелась печатка величиной в пять-шесть миллиметров.

Фролов взял в руки увеличительное стекло, снова поймал глазом печатку и стал внимательно её изучать.

В прямоугольнике крохотного штампа он разглядел два русских слова, едва тиснённых на дереве.

— Батюшки мои! — вскричал он. — Да это же скрипка Ивана Батова — шереметевского крепостного! Здесь так и написано: «ИВАН БАТОВ». Мы с ним у Василия Владимировича учились в Москве. Уже тогда был Иван силён в скрипичном мастерстве. А Владимиров говорил: «Дайте срок, и о Батове, как о Страдивари, легенды начнут складывать...» Знать, не ошибся Владимиров.

— Зачем же ему было своё имя тайком ставить? — спросил Антошка. — Зачем подписываться чужим?

И Антошка узнал от отца, что граф Шереметев отпустил Батова в Петербург на оброк. Переехав в город, Батов открыл там мастерскую и принялся за работу. А любил он в работе аккуратность, законченность. С каждой деталью возился, словно с драгоценным камнем, и добивался во всём чёткости и совершенства. Красоту чувствовал и понимал как настоящий художник.

Другой мастер в месяц четыре скрипки сделает, а Батов в четыре месяца едва одну закончит. Выполнит работу, а покупателя нет. Кому, спрашивается, нужен инструмент неизвестного мастера?

Тогда Батов придумал хитрость: сделает скрипку и прилепит этикетку со знаменитой итальянской фамилией. А для проверки отдаёт покупателю в тот самый момент, когда тому предлагают другую — итальянскую, скажем, Гваданини, Бергонци, Амати или даже самого Страдивари. Музыкант пробует все подряд, сравнивает, советуется со знающими людьми и теряется в догадках, какую брать. Иногда выбор падал на Батовскую скрипку...

Много таким образом инструментов Ивана Батова разошлось по белому свету. Но, видно, стало жалко ему, что слава русского мастерства исчезает бесследно. Вот он и придумал тайную печатку. Для потомков...

— Вот какие, брат, дела, — закончил Фролов и добавил: — Пойду-ка я доложу обо всём его сиятельству. Нельзя такое скрыть от русского человека...

Но Фролов ошибся. Граф Шубин не обрадовался. Напротив, он пришёл в ярость и затопал на мастера ногами.

— Вон! — закричал он. — С глаз долой!

Такого удара граф не ожидал. Он бегал по гостиной и, хватаясь за голову, причитал:

— Надул меня всё-таки подлый торговец! Ах, каналья, проходимец, жулик, попался бы ты мне сейчас!.. Гварнери! Дель Джезу! Паганини! Бель канто! А на что мне ваше бель канто, если скрипку сделал обыкновенный мужик, холоп! А я-то, я! Заплатил за неё 200 золотых. И всю дорогу к груди прижимал. Тьфу!

Немного успокоившись, граф решил скрыть от всех свою неудачу. Он сам пошёл в мастерскую Фролова и потребовал, чтобы тот немедленно соскоблил печатку.

Фролов уставился на графа широко раскрытыми глазами и словно онемел.

— Что же ты? — рассердился граф. — Скобли. Сейчас же, при мне!

Фролов долго подбирал подходящий циркуль и неторопливо стал затачивать его. Руки мастера при этом заметно дрожали.

Приготовив инструмент, он начал осторожно соскребать Батовскую печатку.

Антошка не отрываясь смотрел на отца. Тонкие паутинки стружек, медленно кружась, падали на пол...

— Готово, ваше сиятельство, — глухо произнёс Фролов.

— Покажи.

Фролов поднёс к лицу графа скрипичную деку. Граф глянул на неё в лупу.

— Молодец, Пётр. Тонко исполнил. Будто никакого Батова тут не было. И не было! — крикнул граф. — Теперь это никто не докажет. Её творец — Гварнери дель Джезу. Ясно?

Вечером следующего дня в большой гостиной графского особняка был дан концерт. Гости пришли в восторг и наперебой хвалили скрипку.

— Вот что значит итальянская работа!—единодушно признали знатоки и любители музыки.

По ту сторону особняка, в темноте, у открытого окна, стояли два человека, знавшие истину: Фролов и Антошка.

Они глядели на разнаряженных гостей графа и скрипача, который без устали играл на скрипке Ивана Батова с этикеткой Гварнери дель Джезу и автографом Паганини.

— И никто теперь не узнает, что её сделал Иван Батов, — печально произнёс мальчик.

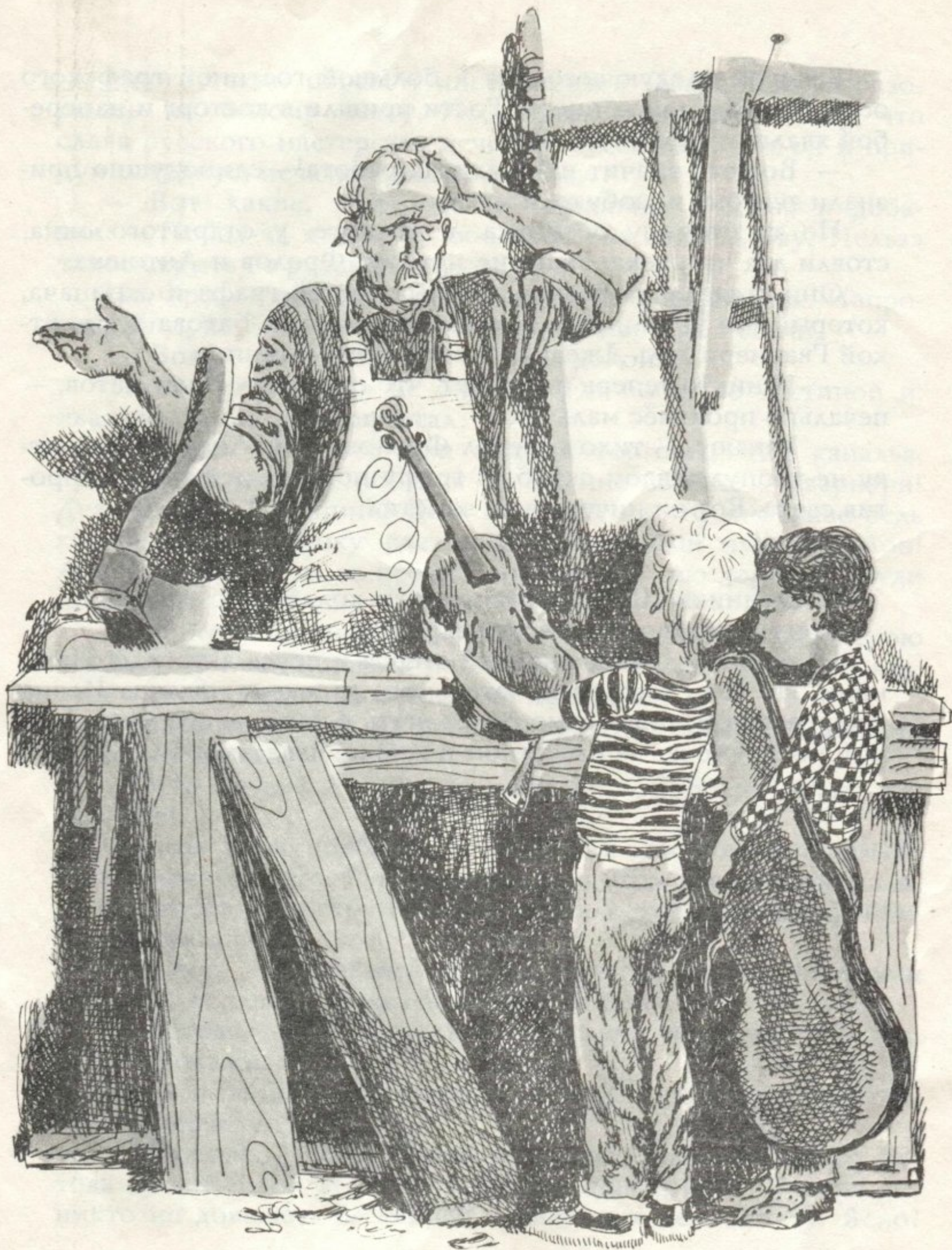
— Узнают, — тихо ответил Фролов. — Я, Антошка, печатку не тронул. Рядом скрёб. А графу показал деку прямо против света. Вот он ничего и не заметил. ..

Наследники Шубина распродали коллекцию графа.

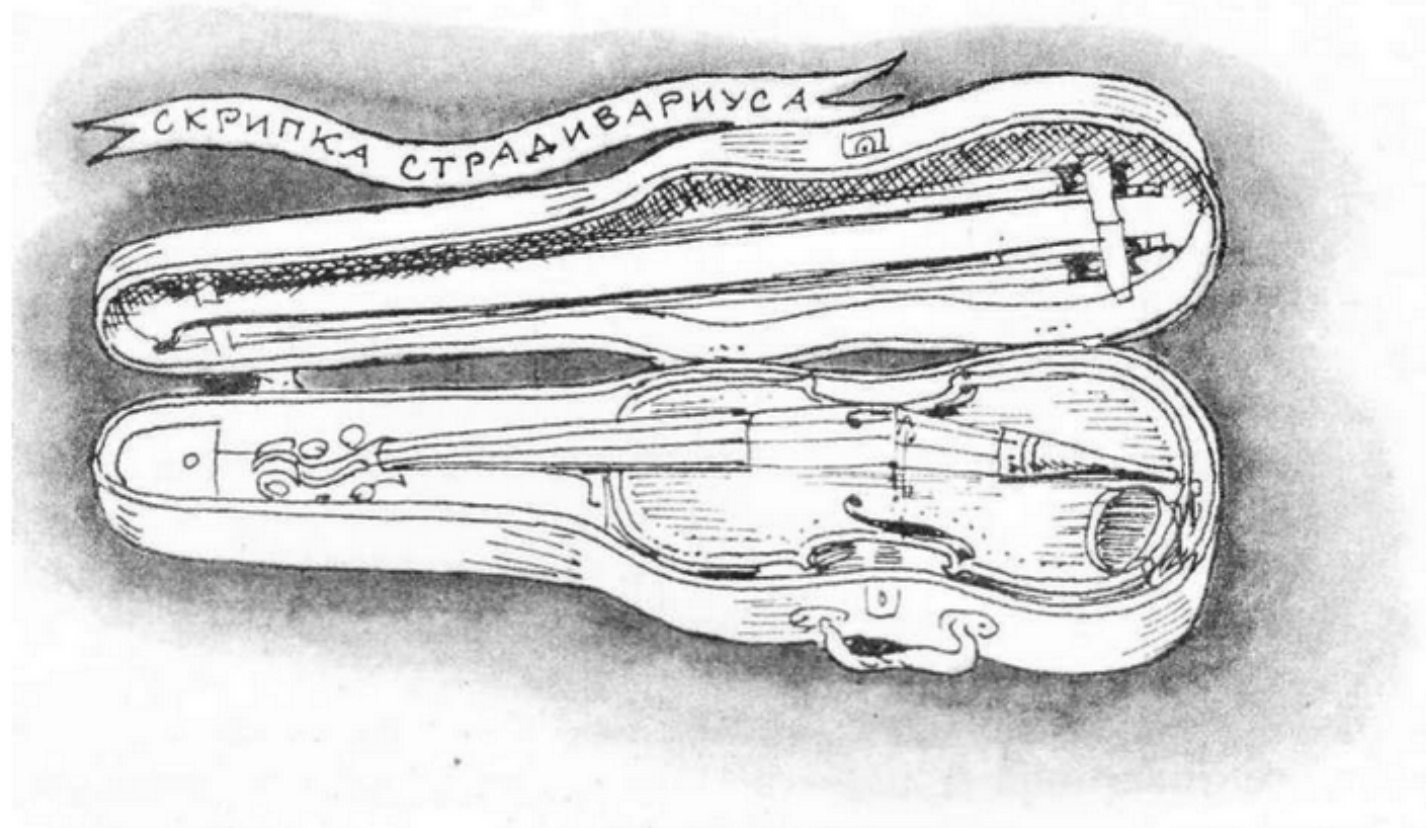
Кому досталась Батовская скрипка? ..

Наверное, с неё давно уже стёрся и исчез автограф Паганини. Но бель канто з а м е ч а т е л ь н о го русского мастера Ивана Андреевича Батова вечно будет жить в каждом его музыкальном инструменте — известном и ещё не известном!

Страдивариус

Как-то раз отец показал Димке самую настоящую скрипку Страдивариуса.

Красивая же была скрипка! Верхняя часть скрипки — дека темноватая, словно от загара, и вся в светло-золотых прожилках, с вырезами — эфами в форме буквы «г», если, конечно, с этой буквы снять козырёк. А нижняя дека словно шкура тигра. Одна полоска отливает золотом, другая — тёмная, как скорлупа грецкого ореха. Но стоит чуть-чуть качнуть скрипку — и по нижней деке пробегает волна с солнечными гребнями и чёрными провалами.

Димке сначала показалось, что нижняя дека на самом деле волнистая. Но она была гладкая и прохладная, как зеркальное стекло.

У скрипки Страдивариуса были удивительные ушки-колки. Точёные, изящные, вырезанные из чёрного дерева. А в ушках, словно серьги, сверкали и переливались капельки крохотных бриллиантов.

С разрешения отца Димка заглянул в одну из эф. Внутри скрипки он увидел узкую бумажную наклейку с именем

мастера. А сбоку — написанный от руки чёрной выгоревшей краской год рождения скрипки — 1670.

— Ей исполнилось триста лет! — удивился Димка. — Из чего же она сделана?

— Из разных сортов дерева. Поговаривают, что Страдивариус иногда пускал в дело обломки затонувших галер — были в старину такие огромные, многовёсельные суда.

— Теперь скрипка Страдивариуса будет жить у нас? — спросил Димка.

— Поживёт некоторое время, — неопределённо ответил отец.

— А где ты её взял?

Разумеется, отец эту скрипку не купил в магазине, не попросил у товарища и не нашёл на улице. Такие скрипки не продают, не одалживают и не теряют.

Скрипку Страдивариуса выдали Димкиному отцу из Государственной коллекции, с согласия самого министра по музыкальным делам. Такие ценные инструменты вручают лишь заслуженным музыкантам. А Димкин отец вполне заслуженный: он лауреат всесоюзного конкурса, а теперь готовится к международному, куда съедутся музыканты всего мира.

Ф

Димка очень гордился тем, что такая замечательная скрипка поселилась у них дома. Он рассказал о ней своему приятелю Ёське.

Выслушав Димку, Ёська сказал:

— Знаю, слышал. Враки всё это. Страдивариус-самовариус-чепухариус, понял?

— Этой скрипке триста лет!

— Чего-о? Повтори, чего ты сказал?

— А ничего, триста лет, говорю.

— Ты что, спятил? Да разве может быть скрипке триста лет? Она же деревянная!

— Ну и что, пусть деревянная, — настаивал Димка.

— Как — что? Вон у нас пол на даче когда застелили? Бабушка говорит, лет двадцать тому назад, а он весь сгнил. Я в прошлом году провалился, чуть ногу не вывихнул.

— А у Страдивариуса дерево галерное. Оно, может, крепче железа! — крикнул Димка.

— Если бы твой Страдивариус был железный, то всё равно бы проржавел насквозь.

— А если из нержавеющей стали?

— Сказал! Такой стали триста лет назад и в помине-то не было!

— А вот и была! Мама говорила, что в одном месте нашли гвозди, которые пролежали в земле тысячу лет, а они до сих пор не проржавели.

— Может, скажешь, что твой Страдивариус сделан из гвоздей?

Ёська для убедительности сплюнул и, считая, что положил противника на обе лопатки, предложил:

— Давай поиграем в лапту.

Димка не стал играть в лапту. Он не признал себя побеждённым. Отвернувшись от Ёськи, он отправился домой.

«Ну и ладно!» — думал Димка, и у него от обиды дрожали губы.

Когда Димка ушёл, Ёська почесал затылок и признался сам себе, что завидует Димке. Ему даже захотелось самому потрогать знаменитую скрипку.

Теперь он не оставлял Димку в покое. Он приставал к нему, дразнил, доводил до слёз, а однажды заявил:

— Слабо вынести её на улицу, слабо? А-а! Трусись?

— Я-а? — возмутился Димка и со всех ног помчался на седьмой этаж, забыв о существовании лифта. — Значит, я трус? — бормотал он. — А вот посмотрим!

На шее у Димки, на длинной верёвочке, болтался ключ от квартиры. Он открыл дверь и вбежал в комнату отца.

От плотно задёрнутых штор здесь было темно и прохладно. Димка зачем-то пугливо огляделся, хотя знал, что в квартире никого нет. И всё-таки пятки сами оторвались от пола, и он на цыпочках, крадучись и невольно озираясь, подошёл к круглому столику. Здесь лежал скрипичный футляр, отделанный под крокодиловую кожу, а в нём, утопая в голубом бархате, покоилась скрипка Страдивариуса.

Димка взял в руки футляр и на минуту задумался...

Мама на работе, в музее, и вернётся не скоро. Туда привезли кость, найденную глубоко под землёй. И все мамины знакомые научные работники помчались в музей выяснять, чья эта кость.

Папа вернётся только к вечеру. Он ещё вчера после обеда уехал за город. Он всегда за день до концерта «убегал» от своего Страдивариуса. И Димка знал почему: папа не раз говорил, что перед выступлением вредно много заниматься. Лучше отдохнуть как следует, побродить по лесу, поиграть в шахматы и — обратно в город. А у папы как раз сегодня вечером концерт. Вот и афиша на стене, где красными буквами написана Димкина фамилия. Даже имя, потому что папу тоже зовут Димкой, вернее, Дмитрием Константиновичем.

Словом, афиша напомнила Димке о концерте, концерт об отце и о том, что к инструменту прикасаться строго-настрого запрещено всем домашним, в том числе и Димке.

Ему вдруг расхотелось выносить из дома скрипку. Но, вспомнив ехидную физиономию Ёськи, он вновь расхрабрился и потащил футляр на улицу.

Димка шёл по лестнице, скособочившись под тяжестью футляра, и с каждым шагом ему становилось всё страшнее и страшнее, а футляр с каждой пройденной ступенькой прибавлял в весе, словно туда под клады вали кирпичи. Димка чуть было не повернул назад, как вдруг увидел женщину с маленькой девочкой.

— Смотри, мама, скрипач идёт! — воскликнула девочка.

И Димке стало необыкновенно приятно, что его называли скрипачом. Он сразу стал важным и значительным. Разумеется, пока ещё в собственных глазах. И хотя ступеньки вели вниз, он мысленно возносился всё выше и выше, вообразив себя знаменитым музыкантом, которого ждёт не дождётся публика...

Когда Димка появился на улице, у него был такой важный вид, что Ёська насмешливо сказал:

— Фи, индюк!

Но Димка не обиделся, а ещё больше надулся.

— Индюк? — переспросил он и показал на футляр, — А это видел?

— Может, у тебя там пусто, откуда я знаю? — как можно равнодушнее сказал Ёська.

Он надеялся, что Димка начнёт доказывать обратное. Но тот и не думал. Тогда Ёська принялся скакать вокруг приятеля и петь на все лады:

— Чепу-хо-ви-на Стра-ди-вар-на-я! Чепу-хо-ви-на са-мо-вар-на-я!

Но и это не подействовало.

Ёська от зависти и нетерпения стал ехидно нашёптывать:

— Один тут тоже всё ходил с футляром. А потом, однажды, у него футляр раскрылся на ходу, и оттуда посыпались трусы и майки. Он в баню с этим футляром ходил, понятно?

Тут уж Димка не выдержал. Он принялся торопливо щёлкать замочками футляра.

Ёська бросился ему на помощь. Оба они, мешая друг другу, безуспешно ломали ногти о круглые пуговицы замочков.

А замочки-то открывались без всяких усилий: правая пуговица отодвигалась вверх, левая — вниз, а не в разные стороны, как это пытались сделать Димка и Ёська.

• — Не откроются, — наконец сказал Димка. — Их только мой папа умеет открывать.

— И мой тоже, — на всякий случай дополнил Ёська и завладел инициативой, то есть попросту отобрал у Димки футляр.

— Отдай! — завопил Димка.

И они стали рвать друг у друга футляр. А Ёська ещё на ходу умудрялся дёргать замочки.

И тут случилось ужасное: футляр открылся, и таинственная, необыкновенная, всемирно известная скрипка Страдивариуса выскочила из своего крокодилово-голубого домика и шлёпнулась на асфальт.

С таким звоном, наверное, разбивается хрусталь...

•

Друзья некоторое время оторопело смотрели на скрипку. Первым заговорил Ёська:

— А всё ты... Не дал мне спокойно открыть футляр. Но Димка не слышал.

— Она сломалась! Она сломалась! — глотая слёзы, шептал он.

Дело принимало серьёзный оборот. Ёська стал пятиться задом, метнулся за угол дома и скрылся. Потом осторожно выглянул оттуда, посмотрел на скорбную Димкину фигуру и нехотя вернулся обратно.

— Ну, чего расхныкался? — сказал он. — Пойдём к дяде Пантелею. Он плотник — мигом её починит. Он нам знаешь какие полки на кухне сделал!

И Ёська деловито уложил скрипку в футляр. Туда же он побросал обломки подставки и оторвавшуюся от скрипки узкую чёрную планочку — гриф.

— Пошли, — сказал он Димке. — А то оставляю тебя тут одного, и управляйся как знаешь.

Димка покорно поплёлся за Ёской. У него теперь не стало собственной воли. Единственное, на что он был способен, — это плакать. И слёзы лились из его глаз в три ручья.

Когда плотник Пантелей увидел скрипку, он воскликнул: — Господи, какую вещь раскололи!

— Почините, дядя Пантелей, — попросил Ёська. — Видите, как Димка плачет.

— Мне не только что чинить, а прикоснуться к ней боязно.

В ответ Димка отчаянно заревел.

— На чём же мой папа будет играть? У него сегодня концерт... Сегодня... сегодня... — сквозь слёзы твердил он.

— Дела-а-а, — задумчиво протянул плотник Пантелей. — Сам-то я, как прежде, не возьмусь, об этом и говорить нечего. Но тут поблизости один мастер проживает...

#

Мастер был маленький старичок с морщинистым лицом. На голове у него не было ни единого волоска. Она блестела, как только что вымытый арбуз.

В окошко вовсю било весеннее солнце. И Димке показалось, что от головы старичка на стенке скачет солнечный зай-

чик. Голова вправо — и зайчик туда. Влево — зайчик следом.

А может быть, зайчик отражался от очков, которые косо сидели на носу мастера?

— Здравствуйте, — робко сказал Димка.

Мастер не ответил. Он словно не заметил появления ребят и продолжал что-то точить крошечным рубаночком.

— Здравствуйте, — уже громче повторил Ёська.

Мастер чуть качнул головой. Солнечный зайчик метнулся по стенке вправо-влево и вновь застыл на месте.

«Наверное, всё же от очков», — подумал Димка и вдруг разозлился на себя за то, что думает о пустяках, когда у него такая беда. Он толкнул Ёську:

— Может, он глухой. Давай крикнем вместе.

— Я не глухой, — проскрипел старичок. — У меня ни минуты свободной. Быстренько говорите, в чём дело, и уходите.

— Если бы он дал мне спокойно раскрыть футляр... — начал Ёська. — А то стал вырывать его...

— А какое он имел, право брать папину скрипку? Он никому-никому не разрешает её трогать, даже мне.

Мастер бросил рубаночек.

— Тэк, тэк, — сказал он. — Преступление налицо. Вы взяли скрипку, притом чужую, подрались, сломали её и теперь, как истинные друзья, пытаетесь свалить вину друг на друга.

— Это он виноват, — сказал Димка.

— Честное слово, не я!

— Мне противно вас слушать, — перебил их старичок. — Оставьте скрипку, а через неделю пусть за ней придёт кто-нибудь из взрослых. Всего лучшего!

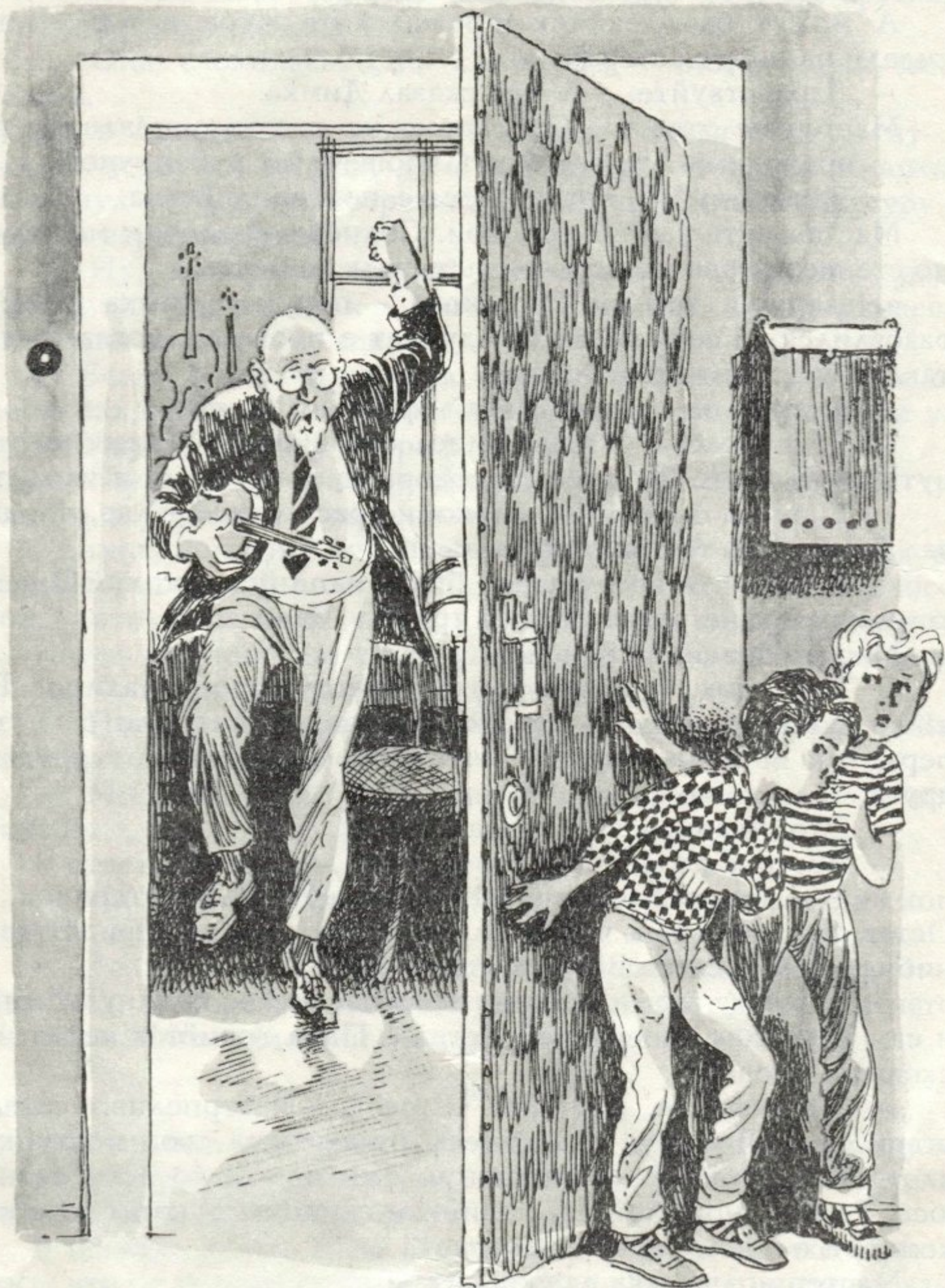
— Скрипку нужно починить сейчас же! — крикнул Димка и сам удивился своей храбрости. — Папа вернётся через несколько часов.

— Послушайте, молодой человек, — нетерпеливо сказал старичок. — Вы трус и боитесь отвечать за свои поступки.

— Я не боюсь! — воскликнул Димка. — Я во всём сознаюсь. Только, пожалуйста, почините скрипку. У папы вечером концерт, а он ещё ничего не знает.

Мастер молча взял в руки футляр.

— Там Страдивариус, — жалобно проговорил Димка.

— Честное слово, — подтвердил Ёська. — Сам министр...

Ёська не договорил. Мастер, как коршун, вцепился в скрипку. Он близоруко рассматривал её сантиметр за сантиметром. Со стороны казалось, что он её облизывает.

— Так и есть... О боже! Самый настоящий Страдивари! — И вдруг заревел на ребят таким страшным голосом, будто в комнате объявился великан: — Ах вы, пакостники, негодники, безобразники, разбойники, головорезы, я вас сейчас! ..

Ёську и Димку словно ветром сдуло. Они опрометью выскочили из мастерской и всё время, пока старичок кричал, тряслись от страха за дверь.

Потом наступила тишина. Они заглянули в мастерскую и увидели, как старичок, словно потеряв последние силы, плюхнулся на стул и закрыл глаза.

— Может, помер? — спросил Ёська.

— Не знаю, — прошептал Димка.

Однако мастер тихо, но внятно сказал:

— Уши вам поотрывать и носы пооткрутить. Что же вы, паршивцы, наделали? Ух, подайте мне воды... .

— Вам сырой или кипячёной? — предупредительно спросил Димка.

— А ну вас! — неожиданно окрепшим голосом сказал мастер и быстро поднялся на ноги.

Он внимательно осмотрел гриф и надолго задержался взглядом на обломках подставки, когда-то стройной, резной, на двух изящных лапках. Где теперь такую достанешь?

По тому, как часто он вздыхал, было понятно, что подставка эта — довольно важная штука.

— Дети, — наконец сказал он, — вы чуть не погубили редчайшую скрипку. К счастью, корпус её не пострадал. Но гриф и подставка! .. Если бы вы это сделали нарочно, я, не задумываясь, поколотил бы вас.

Ёська и Димка дружно уставились в потолок.

— Что я сейчас должен делать? — продолжал старичок. — Я должен пойти в мастерскую Большого театра и отдать её мастерам, достойным доверия. Так поступил бы хозяин скрипки. ..

Ёська понимающе ткнул Димку в бок, а у того от радости сильно забилося сердце.

— ..но я никуда не пойду.

Димка с ужасом посмотрел на Ёську.

— Да, ни-ку-да! Я, может быть, этого момента ждал всю жизнь.

— Чтобы никуда не ходить? — растерянно спросил Димка.

— Чудаки, — буркнул мастер. — Вы только подумайте: скрипка разбита, через несколько часов концерт. При всём желании мы не успеем отнести её в мастерскую и получить обратно. Что же, спрашивается, у нас получается?

— Чепуховина... — пробормотал Ёська.

— Наконец-то я услышал одно разумное слово: именно че-пу-хо-ви-на. Но! — вскричал мастер голосом великана и поднял скрюченный палец к потолку.

Димка испуганно заморгал.

— Но! — продолжал громогласно старичок. — Безвыходность положения даёт мне право прикоснуться к священному Страдивари. Вы понимаете меня, дети?

Мастер снял со скрипки струны и аккуратно приклеил на место гриф.

— А что, если не высохнет? — с сомнением спросил Димка.

— Мой клей сохнет почти моментально. У меня ведь есть свои секреты. Например, канифоль. Удивительная, скажу вам, канифоль... Ах, до чего вы разделали подставку! Нет, вас всё-таки следует поколотить. И немедленно, но у меня, к сожалению, нет времени на такие пустяки. Из-за вас я и так совершаю преступление — без ведома хозяина чиню скрипку.

— Папа не рассердится, — сказал Димка. — Он добрый.

— Добрый? А если за пять минут до концерта выяснится, что скрипка не звучит? Ведь любая, даже самая маленькая деталь может до неузнаваемости изменить голос инструмента.

Димка поёжился.

— Я ни за что не ручаюсь. Но искренне говорю вам: всю

жизнь мечтаю сделать скрипку, подобную этой... Увы! Мечты, мечты. ..

Откровенность старичка, видно, очень подействовала на Димку.

— А я буду музыкантом или пожарником, — признался он.

— А я... — начал было Ёська, но мастер уже не слушал ребят. Склонившись над верстаком, он выпиливал и точил новую подставку.

Димка и Ёська смотрели во все глаза. Переминаясь с ноги на ногу, они следили за каждым движением мастера. А тот за последние полчаса не произнёс ни звука. Он шлифовал бархатной шкуркой готовую подставку. Потом наложил её на собранные кусочки подставки Страдивариуса. Две подставки слились в одну, словно одинаковые картинки.

— Всё, — облегчённо сказал мастер. — Я сделал всё, что мог. Если скрипка не будет звучать — грош мне цена.

Было видно, что мастер волнуется.

Димка тоже волновался.

— Спасибо вам, дедушка мастер, — сказал он и потянулся к футляру.

— Ну, нет! — воскликнул старичок. — Лучше я вас провожу. А то, чего доброго, поднимется спор о том, кто больше — комар или комариха. А там и до драки недалеко. Знаю я вас! Кстати, — обратился он к Димке, — сразу же всё расскажи отцу. Вдруг он выйдет на сцену, не попробовав скрипки. Может получиться грандиозный скандал.

Мастер проводил ребят до самой двери Димкиной квартиры. Ни на какие уговоры остаться он не соглашался.

— Артисту перед выступлением не следует мешать, а после концерта я обязательно навещу вас, — на прощанье сказал он.

А Ёськи давно и след простыл.

Димка остался один.

•

Он молча сидел в прихожей и ждал справедливого наказания. Когда раздался звонок, он вздрогнул, словно его стукнули по макушке.

Звонил телефон.

Откуда-то издалека послышался приглушённый голос отца:

— Здравствуй, малыш! Срочно к телефону маму!

— Её ещё нет.

— Фу, невезучий день! — огорчился отец. — Послушай, Дим, как только придёт мама, передай ей, что я задерживаюсь — машина испортилась. Её сейчас чинят. Скажи маме, чтобы она привезла скрипку, фрак и манишку прямо в концертный зал. И передайте дирижёру — пусть оркестранты занимают свои места. Я приеду минута в минуту.

— Папа, ты обязательно должен попробовать скрипку. . . — робко начал Димка.

— Ничего, — весело перебил отец. — Один раз выйду на сцену не разыгравшись — согрею руки шерстяными перчатками: они всегда при мне. А вы смотрите со скрипкой осторожней. Ты её в руки не смей брать, слышишь? А сейчас я больше не могу разговаривать. Привет!

— Папа! Па-а-ап! — закричал Димка. — Послушай, папа... Ту-ту-ту-ту... — зачастили отбойные гудки.

Через некоторое время пришла мама.

— Только что звонил папа, — произнёс Димка.

— И что же?

— Мама. . . — начал Димка и вдруг, не выдержав напряжения этих нескольких часов, отчаянно закричал: — Мама! Я сломал Страдивариуса!

Мама побледнела и неестественно спокойно сказала:

— Ты что, Дима? .. Шутишь, конечно?

Она открыла футляр, внимательно осмотрела скрипку и даже щипнула пальцем струну. Потом взглянула на Димку и сухо произнесла:

— Это глупая шутка, Дима.

Димка опустил голову и неожиданно сказал совсем не то, что ему хотелось:

— Мама, пусть Ёська пойдёт с нами на концерт.

— - Пусть, — коротко ответила мама.

Они стояли на тротуаре: Димка, Димкина мама и Ёська. Ёська помогал ловить такси. Он шумел, кричал, размахивал руками, словно главный участник предстоящего концерта.

А Димка молчал и смотрел себе под ноги.

Наконец, когда до концерта остались считанные минуты, мама остановила такси:

К концертному залу они подкатили одновременно с милицейским мотоциклом. В коляске мотоцикла сидел Димкин отец. Значит, его машину так и не удалось починить вовремя.

Отец поблагодарил милиционера. Тот отдал ему честь, и мотоцикл застрекотал прочь от концертного зала.

— Скрипку! — крикнул отец и устремился к служебному входу.

— Папа! — бросился за ним Димка. — Я хочу тебе сказать. ..

Но ничего больше не успел вымолвить. Мама с силой потянула его за шиворот.

— Да ты сегодня совсем ума лишился! — сердито сказала она. — Кто же пристаёт к человеку перед самым выступлением?

Димка заплакал.

— Ты болен, — сказала мама.

— Он не болен, — мрачно ответил Ёська. — Хотите, я вам расскажу. . .

— Только не сейчас, — перебила мама, взглянув на часы. — Марш в зал! А я побегу в артистическую, провожу папу.

.

Димка, как всегда, забрался на балкон амфитеатра, Ёська — за ним.

А на сцене уже сидел оркестр. Потом появился дирижёр, шагнул на свою подставку и поклонился публике. И в этот момент на сцену вышел Димкин отец. Он ловко пробирался между пультами, за которыми сидели оркестранты.

— И вовсе не похож на твоего папу, — сказал Ёська.

Вдруг кто-то тронул Димку за плечо.

Димка оглянулся и увидел мастера.
Тот приветливо взмахнул рукой и весело спросил:
— Твой папа остался доволен скрипкой. Не так ли?
— Он ничего не знает, — ответил Димка.
— Этого не может быть! — выдохнул мастер и, словно у него подкосились ноги, ухватился за спинку кресла.
А оркестр между тем заиграл вступление.
Димкин отец спокойно стоял впереди, у дирижёрской подставки, чуть расставив ноги, наклонив голову, высокий, стройный, в чёрном фраке и ослепительно белой манишке.
А когда кончилось оркестровое вступление, он начал

играть. И звуки необыкновенной красоты сразу заполнили весь зал.

Димка невольно оглянулся на мастера.

— Всё хорошо? — шёпотом спросил он, ещё не веря, что ничего страшного не произошло. — Папа не проваливается?

— Хорошо, мой милый, ах как хорошо! — ответил мастер, и на лице его засветилась счастливая улыбка. — Я уверен, что Антонио Страдивари похвалил бы меня!

Ёська, видя, что ничего особенного не случилось, толкнул Димку локтем:

— Здорово играет Страдивариус, — сказал он. — Теперь, когда мы ещё раз нечаянно его сломаем, то сразу пойдём к нашему мастеру, правда, Дим?

Этот концерт прошёл для Димкиного отца особенно удачно. Но это не спасло Димку от наказания. Целую неделю отец с ним не разговаривал. Более того: он попросту не замечал Димку, словно того на свете не существовало.

Зато со старым мастером отец крепко подружился. Они часами разглядывали скрипку Страдивариуса и о чём-то говорили. И мастер нахваливал свою канифоль.

Отец эту канифоль попробовал — конечно, не на язык, а на смычок! — и остался очень доволен. И мастер подарил ему три прозрачных янтарных кружочка.

Когда наступил день примирения, Димка до позднего вечера не отходил от отца ни на шаг, а лёжа в постели, ворочался и думал о том, что хорошо бы научиться играть на скрипке. Он обязательно скажет об этом папе. И услышит в ответ: «К этому нужно серьёзно готовиться: нужно много петь, танцевать и слушать музыку». А мама добавит: «Есть манную кашу и пить рыбий жир». А Ёська опять, наверное, скажет: «Чепуха всё это, чепуховина!»

А может быть, теперь уже не скажет?

Димкины мысли стали путаться и спотыкаться. И он уснул сном, в котором не было никаких сновидений, а лишь нежно пела скрипка великого Страдивариуса.

Содержание

Маэстро	3
Шут Триболе	9
Эй, Антонио!	17
Бель канто	25
Страдивариус	33

Для младшего школьного возраста

Абрамян Григорий Владимирович

Эй, Антонио!

Рассказы

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова.
Художественный редактор В. А. Горячева.
Технический редактор Т. А. Патеюк.
Корректор Т. П. Лейзерович.

Сдано в набор 30/IX 1971 г. Подписано к печати 31/XII 1971 г.
Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3,51. (Уч.-изд. л. 2,91).
Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 212. Цена 12 коп. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Рос-
главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 151.

12 коп.

